

Дж. ГАРРАРД

«РУССКИЙ СКАРРОН» (М. Д. ЧУЛКОВ)

Выражение «русский Скаррон» прежде всего вызывает в памяти имя Ивана Баркова. Вспоминается, например, карамзинский перечень русских писателей от Бояна до Михайлы Попова — «Пантеон российских авторов», где Карамзин писал, что Барков «есть русский Скаррон и любил одни карикатуры».¹ Совсем недавно Г. П. Макогоненко доказал, что когда Василий Майков обращается к «возлюбленному Скаррону» в первой песне поэмы «Елисей, или Раздраженный Вах», он в действительности имеет в виду Баркова и откликается на некоторые из его стихотворений.² Однако существует иной и более подходящий претендент на титул «русского Скаррона»: Михаил Дмитриевич Чулков. Как в прозаических, так и в стихотворных произведениях Чулкова мы находим следы чтения произведений Скаррона, примеры его прямого влияния. Существуют также черты сходства между творчеством и мировоззрением обоих писателей, которые зависят не столько от хорошего знакомства Чулкова с тем, что Скаррон писал более чем столетием раньше, но, как кажется, представляют естественный результат подобия общественной обстановки, в которой жили писатели, и особенно тождества процессов развития прозаических жанров во Франции на протяжении первой половины XVII в. и в России во второй половине XVIII в.³

---

¹ Карамзин Н. М. Избр. соч. в двух томах, т. II. Л., 1964, с. 167. Замечание Карамзина вряд ли можно считать исчерпывающей характеристикой творчества Баркова; несправедлива она и по отношению к Скаррону, и влиянию, которое он оказал на русскую литературу XVIII в.

² Макогоненко Г. П. Враг парнасских уз. — Русская литература, 1964, № 4, с. 136—148. См. также критические замечания А. В. Западова во вступительной статье к изданию: Майков Василий. Избр. соч. М.—Л., 1966, с. 37—38.

³ Кажется, первым, кто отметил сходный характер творчества Скаррона и Чулкова, был Виктор Шкловский. См. его книгу «Чулков и Левшин» (Л., 1933, с. 109).